

ОТЗЫВ ОФИЦИАЛЬНОГО ОППОНЕНТА

о диссертации Тубаловой Инны Витальевны
«Полифонический текст в устных
лично-ориентированных дискурсах»,
представленной на соискание ученой степени доктора филологических
наук по специальности 10.02.01 – Русский язык

г. Омск

24 февраля 2016 г.
Экземпляр 2

Актуальность темы диссертации И.В. Тубаловой очевидна для всех, кто занимается дискурсивными исследованиями. В современной лингвистике понятие «лично-ориентированные дискурсы» чаще всего встречается в контексте противопоставления дискурсам институциональным. При этом известно, что последние описаны гораздо более подробно и глубоко, чем первые. Такая гносеологическая ситуация во многом обусловлена тем, что «порядок» институциональных дискурсов легче поддается параметризации и научной экспликации. Имеющиеся модели описания позволяют представить институциональные дискурсы как типы, или массивы, текстов, чего до сих пор нельзя было сказать о лично-ориентированных, в частности устных. Работа И.В. Тубаловой в этом смысле пионерская: ею сделана попытка выявить не просто речевые, а именно дискурсивные (связанные с социальными практиками) *закономерности* текстопорождения в той сфере, которая слабо регулируется извне и в которой субъект обладает значительной свободой в выражении разнообразных коммуникативных интенций.

Обращение к стихии устного лично-ориентированного дискурса потребовало от автора существенного сужения проблемного поля диссертации. Как показало исследование, выбор предмета не просто задал аспект исследования нового объекта (один из возможных), но стал еще одним фактором его актуальности. Мы согласны с И.В. Тубаловой в том, что работы, посвященные полифонической организации нехудожественных текстов, единичны;

немногочисленны и исследования на смежные темы, использующие иную терминологию.

Однако главное в предмете и объекте исследования, – это их онтологическое сопряжение, раскрытое соискателем. Сделав отправной точкой полифонию текстов, в которых воплощаются устные личностно-ориентированные дискурсы, И.В. Тубалова смогла построить содержательную теоретическую модель, которая в равной степени спроецирована на организацию полифонического текста и на свойства неинституциональных дискурсов.

Разработка теории личностно-ориентированных дискурсов на основе понятия полифонической организации текста и социально-ролевой позиции обыденного человека определила **научную новизну** диссертации.

Впервые описаны факторы, которые определяют использование в личностно-ориентированных дискурсах речевых форм, восходящих к институциональным сферам общения (см., например, тезис об апелляции говорящего к авторитету институционального дискурса для усиления его речевой позиции в ситуации, когда речевая составляющая коммуникации имеет самостоятельное значение). Описаны включения из трех конкретных, различных по природе институциональных дискурсов, знания о которых приобретены в речевом опыте обыденного человека (документного, политического и фольклорного). Дискурсы-источники охарактеризованы с точки зрения их интенциональности, социальной функции и – как итог – возможностей междискурсивного распространения их речевых форм.

Показаны механизмы действия полифонических включений. Выявлены типы речевых форм и разновидности личностно-ориентированных дискурсов, в которых полифонические включения наиболее регулярны, предложена достоверная научная интерпретация такой избирательности.

Научная новизна исследования обусловлена также тем, что автор предлагает и апробирует оригинальную *модель анализа* полифонического текста личностно-ориентированных дискурсов. Представляется, что реализованная

в диссертации методика может быть экстраполирована на полифонические тексты в составе других дискурсов.

Значимость для науки и практики полученных автором результатов определяется по отношению к тем направлениям современной лингвистики, объектами которых являются взаимоопределяемые текст и дискурс. Закономерно, что в исследованиях текста на основе таких понятий, как текстовые категории vs критерии текстуальности, с течением времени менялись акценты: лингвистическая теория текста, реагируя на исследования «чужого слова» в ведущих филологических и семиотических концепциях второй половины XX века, открыла границы текста, переосмыслила контекст его целостности и акцентировала интертекстуальность. Обобщив всевозможные традиции в этой области, связанные с художественными и нехудожественными текстами, И.В. Тубалова предложила теорию функционирования полифонического текста в неинституциональном дискурсе; разработала оригинальную методологию анализа полифонического текста с опорой на систему понятий, необходимых и достаточных для моделирования объекта. Плодотворным оказалось обращение к категориям диктума и модуса, перенесенным с высказывания на устройство дискурса. Значительный объяснительный потенциал обнаружили также такие классификационные основания (они же параметры описания полифонического текста), как тип полифонического включения, тип дискурса-источника, сохранение, нейтрализация либо трансформации его интенции в полифоническом тексте, принадлежность текста к той или иной разновидности «принимающего» личностно-ориентированного дискурса и некоторые другие. Перспективной идеей, объясняющей явление полифонии текста в личностно-ориентированном дискурсе, стало положение о социальном авторитете дискурса-источника – истинном или мнимом с точки зрения говорящего.

Наряду с очевидной значимостью диссертации для теории и методологии анализа текста, она явила собой заметный прорыв в изучении личностно-ориентированных дискурсов, онтология которых интерпретируется

И.В. Тубаловой в широком контексте исследований повседневности и «обыденного человека». После знаковой работы Б.М. Гаспарова 1996 г. «Язык. Память. Образ. Лингвистика языкового существования» это первое монографическое исследование не регулируемой институционально речевой деятельности. Нельзя не обратить внимания на внутреннюю дифференциацию устных неинституциональных дискурсов (дискурсы практической / интерпретационной направленности, повседневные / неповседневные). Любая таксономия, как известно, является способом описания объекта. Предложенные автором диссертации классификационные признаки могут быть апробированы на ином эмпирическом материале и таким образом способствовать углублению научных знаний о личностно-ориентированных дискурсах.

Для исследований институциональной сферы как более традиционного объекта дискурсологии теоретически значимо объяснение причин и описание механизмов, которые обеспечивают междискурсивное распространение институциональных практик и, в частности, проникновение их компонентов в речевую жизнь «обыденного человека».

Практическая значимость диссертации определяется междисциплинарным характером исследования, имманентной обращенностью его объекта и предмета не только к речевым, но и социальным практикам.

Конкретные рекомендации по использованию результатов и выводов диссертации. Нельзя не согласиться с авторским видением применения результатов работы (стр. 24). В вузовском преподавании это материал для целого ряда курсов функциональной направленности, и прежде всего дискурс-анализа, теории текста, разговорной речи. С другой стороны, множество частных выводов, касающихся ментально-речевой реакции «обыденного человека» на риторiku институтов, в разной степени приближенных к государственным, имеет выход на такие сферы профессиональной деятельности, как копирайтерство, реклама, публичные выступления и т.д.

Общими основаниями высокой оценки **степени обоснованности научных положений и выводов**, сформулированных в диссертации, являются

следующие. Во-первых, разработанная И.В. Тубаловой теория полифонического текста в одном типе дискурса опирается на фундаментальную теоретико-методологическую базу, осмысленную в виде трех основ-источников. К ним относятся исследования полифонии текста (и смежных явлений), проблема личностно-ориентированных дискурсов (и междисциплинарных исследований социальной роли обыденного человека), наконец – достижения в изучении институциональных дискурсов с точки зрения потенциала их проникновения в другие дискурсы. В основу работы положены достижения мировой науки, а количественным показателем объема теоретического фундамента является список литературы из 879 работ. Во-вторых, работа прозрачна с точки зрения используемых в ней методов, методик, приёмов: они эксплицируются в тексте диссертации по принципу развернутого вариативного повтора (см. подробную презентацию во введении, обоснование и апробацию в исследовательских главах). Хотелось бы отметить такую кропотливую процедуру, как верификация принадлежности полифонического текста к источнику в неявных случаях. Эта многократно проделанная автором операция в данном случае является одним из звеньев, обеспечивающих надёжность выводного знания. В-третьих, фактором обоснованности выводов является значительный объем эмпирического материала, который позволил И. В. Тубаловой применять количественные методы. В результате выявлена разная степень готовности отдельных разновидностей дискурса принимать полифонические включения (см. табл. на стр. 324); доказана избирательность видов включений (цитат, прецедентных текстов, инодискурсивных стилистических ресурсов) по отношению к ряду признаков дискурса-источника и результирующего дискурса. Перечисленные достоинства работы обеспечивают обоснованность теории в целом.

Оценивая **содержание диссертации, её завершенность** более детально, отметим, что автор выносит на защиту 13 положений, касающихся разных её аспектов. Выделим в своем отзыве те, которые связываем с наиболее значительными достижениями И.В. Тубаловой и, с другой стороны, пригласим ав-

тора к дискуссии по ряду суждений, оказавшихся в сильной позиции диссертационного текста.

В Положении 1 приводится авторское толкование понятия «полифонический текст», в котором учтены когнитивные аспекты функционирования текстовых образований (производство, восприятие); указаны в качестве носителя полифонии в тексте речевые фрагменты; приведены их существенные характеристики (созданы и осмыслены до порождения данного текста). Из определения и ряда фрагментов текста диссертации (стр. 134 и др.) не следует, что указанные речевые фрагменты обязательно инородны по отношению к остальному тексту, в силу чего согласимся: «любой текст эпистемологически может быть представлен как полифонический» (стр. 24). Вопрос к И.В. Тубаловой проецирует дефиницию на объект и предмет исследования. Каким образом масштабные эмпирические наблюдения за массивом устных текстов, в том числе текстов «практической направленности», соотносятся с суждениями ученых об универсальном характере интердискурсивности (см. ссылку на И.В. Силантьева на стр. 40 диссертации)? Не вызывает сомнения универсальность интертекстуальности – хотя бы в силу известной «памяти жанра» (М.М. Бахтин, ван Дейк и др.). Но действительно ли все тексты включают инодискурсивные речевые фрагменты? У М.Я. Дымарского в статье «Речевая культура и речевая манера» (2006) есть наблюдения за языковыми личностями моностилевого и полистилевого типа, где он говорит о том, что первый тип личностей «не приемлет смешения языков». Какую картину показал этап исследования, на котором «выделялись контексты, содержащие единицы, обладающие иноречевой природой» (с.19)?

Во взаимосвязанных положениях 2 – 6 отражена та часть концепции, которая определяет организацию полифонического текста со стороны дискурсов-источников. В диссертации системно и многоаспектно описаны разновидности полифонических включений в полифоническом тексте, обоснована важная мысль о возможности неосознанного употребления части из них, особенно включений стилистико-ресурсного типа (см. положение 3).

Глубоко проанализированы обстоятельства, объясняющие способность институциональных дискурсов к выходу за их собственные границы (положение 4). Доказано, что модусное (ценностное, интенциональное) содержание источника либо нейтрализуется, либо сохраняется, либо трансформируется (положения 5, 6). Последние положения обоснованы в 3-ей главе дедуктивным способом – через систему общепризнанных теоретических положений, касающихся конкретных дискурсов, а в 4-ой главе – эмпирически.

Существенным достижением автора явилось создание внутренней типологии лично-ориентированных дискурсов. Данные на эту тему обобщены в положении 7, теоретическое обоснование таксономий приведено в параграфе 2.3.3, а апробация модели – в 4-ой главе. Очевидно, что специфика объекта потребовала от И.В. Тубаловой сознательного абстрагирования от объективного множества различий между конкретными коммуникативными событиями в рамках дискурсов исследуемого типа. То, что оказалось в фокусе внимания, безусловно, релевантно с точки зрения предмета исследования – полифонического текста. Об этом, в частности, свидетельствуют вполне обоснованные положения 8, 11, 12. Вместе с тем, повторяюсь, выделенные оппозиции значимы безотносительно к полифоническому тексту, а деление лично-ориентированных дискурсов на повседневные и неповседневные может стать импульсом к дальнейшему исследованию каждого типа, причем особенно интересны «неповседневные».

В Положении 9 сфокусированы неоднократно обсуждаемые в диссертации (и не вызывающие сомнений) суждения о повышенной значимости субъектной интенции в лично-ориентированном дискурсе. Вопрос, имеющий отношение к формулировке этого положения, касается следующего. И.В. Тубалова вводит в модель анализа оппозицию комфортного / дискомфортного общения. Из текста диссертации следует, что дискомфорт вызван необычностью (неповседневностью) коммуникативной ситуации и что в своём, возможно неосознанном, стремлении обрести комфорт говорящий апеллирует к дискурсу, обладающему «порядком». Гипотетичными представляются

утверждения о психологических состояниях. Можно ли без специальных исследований проверить, действительно ли полифонические включения обусловлены коммуникативным дискомфортом, обязательно сопровождающим всякую непривычную ситуацию? Действительно ли «комфортным является такое общение, сценарии которого предсказуемы» (с. 169)? Всегда ли некомфортно общение с незнакомым речевым партнером или партнерами (табл. 2 на с. 171)? На наш взгляд, вынужденное и, безусловно, необходимое в данной работе абстрагирование от разнообразия языковых личностей (сведение их к двум социально-речевым типам) несколько нивелирует множественность вариантов речевого поведения.

Несомненна ценность создания и апробации модели анализа полифонической организации текста устных личностно-ориентированных дискурсов, представленной автором диссертации в положении 10. Формулировка этого положения полностью соответствует проведенному исследованию и его презентации в тексте диссертации.

Принимая и поддерживая содержательный «каркас» работы, хотелось бы отметить наличие в ней многочисленных глубоких наблюдений локального характера.

Вопросы к автору вызваны исключительным интересом к работе.

1. Известна неоднозначность термина «социальный институт». Из какого толкования исходил автор? Однозначна ли, с точки зрения имеющихся определений, квалификация фольклора как общественного института?
2. Представляется, что исследование показало зыбкость границ между институциональными и личностно-ориентированными дискурсами. Часть фрагментов, описанных в диссертации, весьма близка к институциональному общению. См. приведенные на стр. 225 и 395 примеры беседы с шахтером (из сборника «Русская разговорная речь европейского северо-востока России: Сборник текстов / под ред. Н.С. Сергиевой и А.С. Герда. – Сыктывкар, 1998). В подобных беседах филологов или социологов с информантами социально-ролевая позиция информантов схожа с ролью

обыденного человека – клиента институциональных дискурсов (об обыденном человеке как клиенте институциональных дискурсов см. на с. 157 диссертации). Наши сомнения в квалификации некоторой части текстов «неповседневного» дискурса перекликаются с отдельными суждениями самой И.В. Тубаловой: ею используется выражение «латентная институциональность» (с. 171 и др.), говорится о том, что неповседневный дискурс накладывает ограничения на выражение личностно-значимого содержания (с. 411). Почему всё же примеры, о которых идет речь, квалифицируются как личностно-ориентированные?

3. На стр. 155 автор говорит о кодификации дискурсивных практик институционального общения. Насколько это типичное явление и кодифицируются ли правила неинституциональных дискурсов?
4. Уточняющий вопрос: какую долю представленного в диссертации материала занимают записи, полученные в результате включенного наблюдения? Вошли ли они в текст диссертации?

Результаты проведенного исследования прошли необходимую апробацию. Публикации по теме диссертации (в том числе статьи, опубликованных в научных изданиях, включённых в реестр Высшей аттестационной комиссии Министерства образования и науки РФ) в полной мере отражают концепцию работы и выносимые на защиту положения. Содержание диссертации адекватно представлено в автореферате.

Заключение о соответствии диссертации критериям, установленным Положением о присуждении ученых степеней. Диссертация Инны Витальевны Тубаловой «Полифонический текст в устных личностно-ориентированных дискурсах» является научно-квалификационной работой, в которой разработаны теоретические положения, совокупность которых можно квалифицировать как научное достижение в области теории текста и теории дискурса, что соответствует требованиям п. 9 «Положения о присуждении ученых степеней», утвержденного постановлением Правительства Российской Федерации от 24.09.2013 г. № 842, предъявляемым к диссертациям

на соискание ученой степени доктора наук, а ее автор заслуживает присуждения искомой ученой степени.

Официальный оппонент –

доктор филологических наук (10.02.01 – Русский язык), профессор,
профессор кафедры русского языка,
славянского и классического языкознания
федерального государственного бюджетного
образовательного учреждения высшего
профессионального образования
«Омский государственный
университет им. Ф.М. Достоевского»

Орлова Наталья Васильевна

Контактные данные:

Почтовый адрес: 644077, Омск, пр. Мира, 55, каб. 218; факс: 8(3812)229815;
телефон: 8(3812)229820; e-mail: nvorl@rambler.ru, www.omsu.ru

